

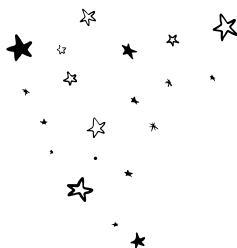

ВАЙОЛЕТ И СКЕЛЕТ

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

1. Дело об ожившем мертвце

Продолжение следует...

*Лианне.
Люблю тебя больше,
чем все звёзды на небе.*

ГЛАВА 1

Я родилась в морге при кладбище. Понимаю, это очень забавно — появиться на свет там, где обычно заканчивается жизнь каждого человека, но так уж получилось. Мама рассказывала, что мраморная плита, на которой она меня рожала, была холодной и жёсткой, но маме тогда выбирать не приходилось.

Они называли меня Вайолет, под пару «цветочному» имени моей мамы — Айрис. Думаю, родители ожидали, что я вырасту таким «вяленьким» цветочком — скромной, застенчивой и робкой Вайолет, Фиалочкой, но вскоре им пришлось понять, что эти их надежды не оправдались.

Моё второе, или, как говорят в Англии, среднее имя — Виктория, в честь Её Величества

королевы. Говорили, что в то время, когда я родилась, она оплакивала смерть мужа и целыми днями ходила во всём чёрном. Уж что-что, а траурные одежды были для меня делом привычным. Кстати сказать, и я сама — как и вся наша семья — была постоянно одета во что-нибудь тёмное, мрачное. Почему? Потому что, как любил повторять мой папа, *«мы постоянно оплакивали кого-нибудь»*.

Жить на границе между миром живых и миром мёртвых довольно необычно, знаете ли. Есть в этом что-то загадочное, даже мистическое. Признаюсь вам по секрету, что иногда, гуляя среди могил, я улавливала присутствие мертвецов. До меня долетали отголоски их угасающих чувств, эхо шепчущих голосов. Я к этому относилась нормально, как к чему-то само собой разумеющемуся, хотя со временем поняла, что делиться этим ни с кем не следует. К этому меня приучили те странные взгляды, которые бросали на меня взрослые, когда я вдруг упоминала о загробных голосах.

Нужно заметить, что покойникам, как правило, говорить особо было не о чем, это был лишь несвязный шорох, обрывки отдельных слов. Однако вскоре мне предстояло встретиться с мертвецом, оказавшимся разговорчивее обычного. *Гораздо* разговорчивее.

Незадолго до того, когда произошло это чудо, мне исполнилось тринадцать лет, и в тот самый день я собирала яблоки на кладбище. Откусила

ГЛАВА 1

одно из них — яблоко показалось мне на вкус прохладным и свежим, словно осенний ветерок. У моих ног суетился Скелет, вынюхивал что-то на земле своим длинным носом. Скелет — это мой пёс, чёрный грейхаунд. Или английская борзая, если так вам будет понятнее.

Членом нашей семьи Скелет сделался относительно недавно. Я встретила его, когда он с потерянным видом слонялся среди могил. Увидев меня, он сразу же подбежал и с тех пор держался рядом со мной как приклеенный. Когда я его нашла, ошейника на нём не было и выглядел Скелет ужасно тощим — все рёбра наружу. Впрочем, все борзые, насколько мне известно, так выглядят, порода такая.

Я назвала его Скелет — очень подходящая, по-моему, кличка для пса, который принадлежит дочери гробовщика, живущей в доме при въезде на кладбище. Приведя найденного пса домой, я покормила его какими-то объедками, которые Скелет с большим удовольствием проглотил, и стала упрашивать маму, чтобы она разрешила мне оставить собаку у себя. Мама категорически ответила «нет». Я пошла к папе, и он сказал «подумаем». Короче говоря, оставить Скелета мама мне всё же разрешила, но при условии, что он будет спать на улице.

Две недели Скелет честно проспал на кладбище, свернувшись клубочком у подножия массивного каменного креста. На третью неделю мама смягчилась и разрешила ему спать у нас

на крыльце. А там, спустя всего несколько дней, Скелет тихо-незаметно перекочевал в дом и с тех пор спал, по-хозяйски раскинувшись, на моей кровати.

С тех пор мы со Скелетом стали совсем уже неразлучными, за исключением тех коротких минут, когда он отвлекался на какие-то свои неотложные собачьи дела — белку, например, обляять или чьи-нибудь ботинки пожевать.

Но пора вернуться в тот день, когда, собственно, и началась история, которую я собираюсь вам рассказать. Набрал полный подол спелых яблок — та осень выдалась очень урожайной на них, — я поспешила мимо могил к дому и с расстрёпанными от ветра волосами вбежала в нашу гостиную, которая на самом деле была ритуальным залом, то есть комнатой, в которой родственники прощаются с покойником. Скелета я оставила валяться на траве возле крыльца.

Отец как раз был здесь, подметал пол.

— Когда ты приучишься входить в дом с заднего крыльца? — проворчал он, увидев меня. — А что, если бы сейчас здесь был кто-нибудь?

— Кто-нибудь? — фыркнула я. — Обычно нашим гостям нет дела до того, что кто-то в комнату зашёл, они несколько... мёртвые, наши гости, чтобы обращать внимание на такие мелочи.

Папа засопел и пошёл к оставшейся открытой двери — метлу вытряхнуть. Разумеется, валявшийся на траве Скелет немедленно ожил, вцепился в метлу зубами и успел отхва-

тить от неё изрядный кусок, прежде чем папе удалось отвоевать её назад.

— Ну покойник ладно, тут я согласен, — неохотно согласился со мной папа. — А если бы здесь его родственники были? Живые?

— Да не должно сегодня у нас быть никаких родственников, я же слежу за расписанием. Грамотная, между прочим.

— Следишь за расписанием? В самом деле? Ну-ну, считай, что я приятно удивлён, — он ласково потрепал меня по голове. — А что ты с этими яблоками делать собираешься? — спросил папа, глядя при этом куда-то в сторону, и я поняла, что ему уже не до меня. Свои дела, знаете ли.

Раньше всё было по-другому. Папа часто играл со мной, и яблоками умел жонглировать, а затем мог рассказать какую-нибудь любопытную коротенькую историю про те же яблоки, например, которые он как-то по-чудному называл «метафорой жизни». Метафора, как я поняла, — это когда что-то сравнивают с чем-то. Для красоты. Например, седину со снегом. Нормальный человек скажет: «Он поседел». А если «голову его засыпал снег», то это метафора. Красиво, но непонятно. Но я не об этом. Я о том, что в последнее время папа сильно изменился, всё время выглядел каким-то рассеянным.

Я оглянулась по сторонам. Яблок я набрала столько, что они оттягивали мне руки, хотелось поскорее освободиться от них. Ещё немного, и я

просто не удержу свой подол, и тогда все яблоки повалятся на пол.

Ага! Есть решение! На подставке стоял гроб, обтянутый тканью внутри, покрытый свежим лаком снаружи, но при этом пустой. Пока что пустой. Ну и отлично! Я выше задрала подол платья и пересыпала яблоки в гроб.

Раздался ужасный грохот — пустой гроб, чтоб вы знали, усиливает любые звуки не хуже, чем барабан. Грохот вывел папу из его обычной задумчивости.

— Вайолет! — закричал он, круто повернувшись в мою сторону. — Детка, ты хоть соображаешь, что ты делаешь?

— Да я просто на время их сюда переложила, эти яблоки, — ухмыльнулась я в ответ. — Не переживай! Сейчас перетаскаю их по частям на кухню, ты даже плюнуть не успеешь.

— Я. Не желаю. Плевать. На гроб, — мрачно процедил папа, и я поняла, что мне самое время смыться отсюда.

Сопровождаемая прибежавшим с улицы на шум Скелетом, я набрала полные пригоршни красных яблок и через боковую дверь направилась на кухню.

Мама была здесь, сидела возле очага и штопала носки Томаса.

— Яблочки! — весело воскликнула я.

Мама подняла голову и улыбнулась. Мне показалось, что от взгляда её прекрасных глаз в кухне сразу стало светлее.

— Ещё яблоки? Отлично! Пирог с ними сделаю. Или даже целых три пирога. Положи их в корзину в кладовке.

Я положила яблоки, как сказала мама, а когда вернулась, она заговорила вновь:

— Знаешь, моя дорогая покойная мамочка, твоя бабушка, частенько любила повторять, что на кладбище только кости расти могут. Ох, и неправа же она была! — Мама стянула с деревянного грибка для штопки починенный носок и отложила его в сторону. — Этой осенью яблоки просто девать некуда, — она посмотрела на Скелета и добавила: — Хотя кое-кто предпочёл бы, конечно, чтобы здесь всё же косточки росли. Мозговые и с мясом, да?

Скелет навострил уши и сел, подметая пол хвостом, — то ли на подарок в виде косточки рассчитывал, то ли ему просто приятно стало, что с ним разговаривают.

— Из хорошей косточки и для людей бульон сварить можно, — заметила я.

В этот самый момент на кухню ввалился мой брат Томас. Его чёрные штаны на коленях были испачканы грязью с прилипшими к ней травинками.

— Вот ещё! — воскликнул он, роняя на пол свой кожаный футбольный мяч. — Кому он нужен, этот вонючий бульон из старых костей?

Мама протянула руку и несильно, но всё же чувствительно ущипнула Томаса за ухо.

Брату исполнилось всего шесть лет, и он всё ещё был намного ниже меня ростом. Домой Томас приехал на несколько недель, после того как школу, где он учился, закрыли на ремонт. Водопроводные трубы там у них прорвало и затопило всё. Не стану скрывать, мне казалось ужасно несправедливым то, что Томас, который на семь лет младше меня, учится в школе, а я нет. А я дома торчу, и всё только потому, что он, видите ли, мальчик, а я девочка.

— Ты будешь есть то, что тебе дадут, и благодарить за это, Томас. И неважно, будет ли это бульон из костей или пирог с яблоками. Сейчас такие тяжёлые времена, что выбирать не приходится, ясно? О боже, нет, ты только посмотри, во что ты свои штаны превратить умудрился!

Бедная мамочка, ей всю жизнь приходилось возиться с нашей одеждой — то чинить, то перешивать по росту, то придумывать что-нибудь, чтобы она выглядела... ну, если не моднее, то хотя бы приличнее.

Томас выдвинул из-под стола стул, и тот, скребя ножками, проехался по полу. Брат тяжело опустился на сиденье и взъерошил рукой свои волосы, при этом из них на пол спорхнуло несколько травинок. Скелет бросился к ним, обнюхал и разочарованно отвернулся в сторону. Мама же лишь вздохнула, закатив к потолку глаза.

Я уже хотела возвращаться за оставшимися яблоками (папе, наверное, не очень нравилось, что они продолжают лежать там, где я их оста-

вила), но тут Томас вновь заговорил, и его слова настолько заинтересовали меня, что я замерла на месте.

— Скажи, мам, — сказал он. — Кого собираются похоронить на двести тридцать девятом участке?

Скелет поднял голову и посмотрел на Томаса бездонными, похожими на маленькие карие галактики глазами.

Мама отложила в сторону грибок для штопки, ненадолго задумалась, вспоминая.

— Это одна из новых могил, которую только что выкопали, да?

— Верно, — с важным видом подтвердил мой братец.

— Какого-то молодого человека, кажется. Его привезли сегодня утром. Никто из родственников не объявился у бедняжки. Но наш папочка позаботится о том, чтобы это были хорошие, правильные похороны. Он всегда обо всех одиноких мертвецах заботится, хотя это и не приносит никакой выгоды.

Я слегка вздрогнула и ухватилась за спинку стула, чтобы не пошатнуться. Да, я помнила молодого человека, о котором только что упомянула мама. Это был довольно высокий бледный блондин с длинноватыми, на мой вкус, волосами. Немного старше меня — лет шестнадцать ему было, я думаю. Когда его привезли, я немного посидела рядом и тихонько с ним поговорила. Мне кажется, что даже мёртвые